

СОЦЗАЩИТА

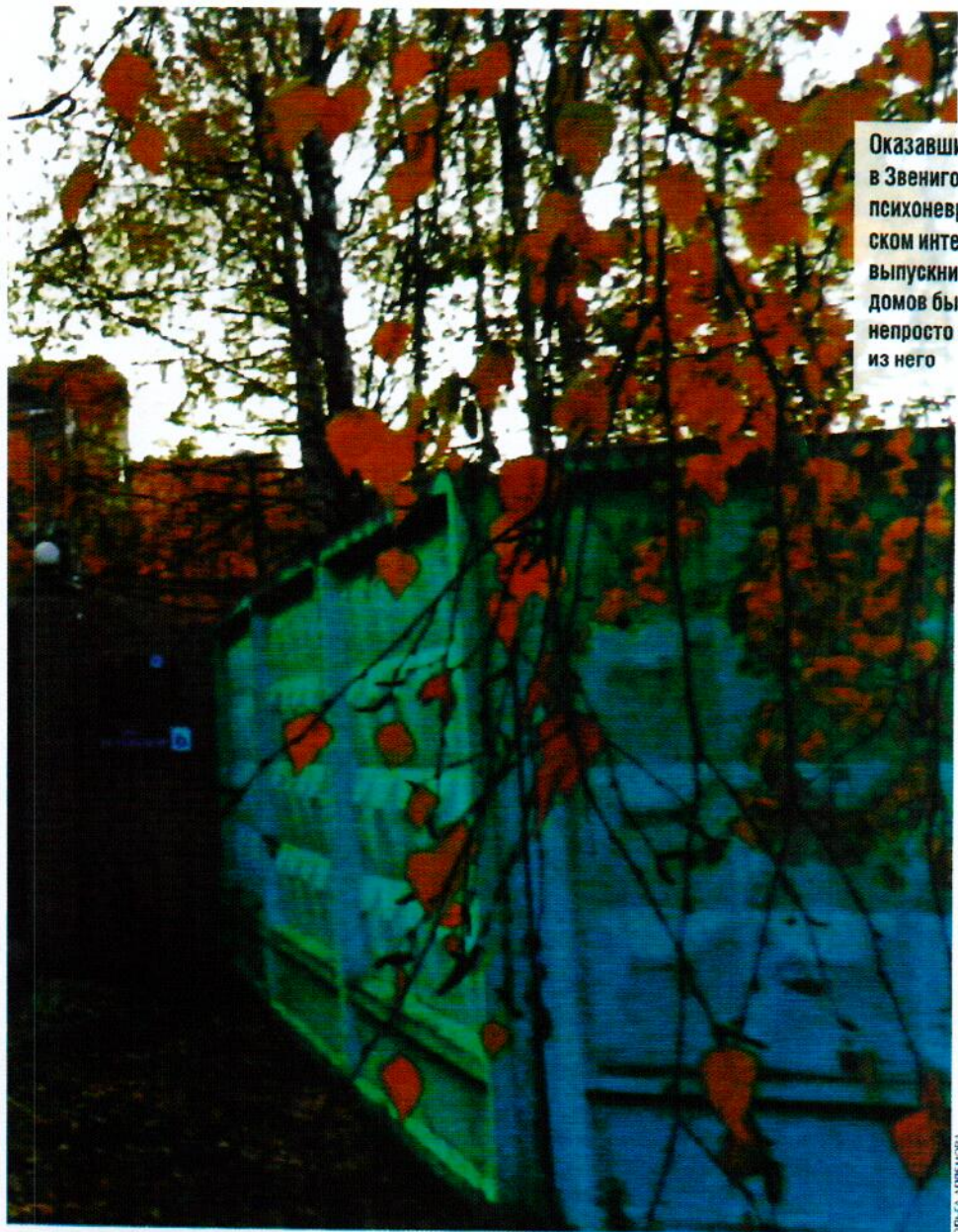
«Это такая территория вне закона»

Выпускники детских домов и интернатов часто оказываются в психоневрологических интернатах и становятся заложниками системы — выбраться оттуда для многих уже невозможно. Как они живут в ПНИ и почему эти учреждения считаются территорией беззакония, выясняли **Ольга Алленова** и **Роза Цветкова**.

Из обращения адвоката Елены Маро в Генеральную прокуратуру РФ: «В марте 2013 года инвалид Валерий, проживающий в интернате, выбросился из окна интерната. С сентября по ноябрь 2013 года (за 2 месяца): 17.09.2013 года проживающий инвалид (Сергей) повесил-

ся в комнате на закрытом этаже; 18.09.2013 года молодой инвалид (Кукин) проживающий на закрытом 4 этаже умер; в начале сентября 2013 года Дмитрий Г. порезал себе вены (успели спасти); 19.10.2013 года Власов Михаил скончался по дороге в больницу. 01.11.2013 года

Жуков Виктор упал на лестнице и умер (скорую помощь вызвали после того как он умер). В ноябре 2013 года Геннадий А. выбросился со второго этажа интерната». (В обращении адвоката все имена и фамилии указаны полностью.)

Оказавшись в Звенигородском психоневрологическом интернате выпускникам детских домов бывает непросто выйти из него

«ЗАЧЕМ ЕГО ВОЗИТЕ СЮДА, ОН ЗДОРОВЫЙ»

Мировой суд Звенигорода. Оксана Озерова против Анастасии Безруковой. Обе девушки живут в Звенигородском психоневрологическом интернате (ПНИ), где в последнее время одна драма следует за другой.

Анастасия обвиняется в избиении и причинении тяжкого вреда здоровью Озеровой, в связи с чем обвинение просит направить ее на принудительное психиатрическое лечение. По версии обвинения, Безрукова избивала Озерову и сломала ей руку. По версии защиты, никакого избиения не было, Озерова «дружит» с администрацией ПНИ и по просьбе администрации спровоцировала Безрукову на конфликт.

Конфликт между Озеровой и Безруковой случился еще зимой. Волонтеры говорят, что Оксана Озерова — «в авторите-

те», Безрукова с ней «дружила» и даже отдавала ей часть своей зарплаты, чтобы ее никто не трогал. Волонтеры уверены, что конфликт случился на пустом месте: «Дети слишком эмоциональные, а их постоянно стравливают». Сама Безрукова, у которой напряженные отношения с руководством ПНИ, считает, что с ней через Озерову сводят счеты — слишком независимая. Говорит, что Озеровой администрация пообещала выбить квартиру, если та поможет в деле против Безруковой. Сама Оксана Озерова, отвечая на вопрос судьи о месте своего проживания, сообщает, что скоро ей дадут квартиру и что ее устроили на работу в ПНИ санитаркой. Показаний на первом заседании никто не дает — суд изучает документы и назначает новую дату.

После заседания выходим во двор. Знакомимся с Алексеем Шохиним, красивым 25-летним парнем, который еще

«Мне давали аминазин, феназепам, я вообще ничего не соображал из-за этих таблеток»

весной жил в Звенигородском ПНИ и был одним из самых «неудобных» его обитателей. Он приезжает сюда поглядеть друзей, а сейчас хочет поддержать Настю.

— Восемь лет я проживал в этом ПНИ, а семь месяцев назад выбыл в Ногинский ПНИ, — пересказывает Алексей казенными словами самый важный факт своей жизни.

— А почему вас перевели?

— Я добивался. — Алексей подбирает слова. — В этом ПНИ (Звенигородском. — «Власть») меня сажали в карцер на четвертый этаж. Мне давали аминазин, феназепам, я вообще ничего не сообщал из-за этих таблеток. Потом меня упекли в 23-ю психиатрическую больницу в Наро-Фоминск. Меня туда часто отправляли — когда на месяц, когда на две недели, а было что и на два дня. Меня привезли, а врач говорит: «Зачем его возите сюда, он здоровый».

— А почему с вами так поступали?

— Я жаловался, что кормят плохо. В ПНИ кормят ужасно. Люди не наедаются. Они получают наши деньги, 75% от нашей пенсии. Куда ее девают?

— Я жаловался, что часть моей пенсии забирает администрация. Я жаловался, что заставляют пить таблетки, а я не хочу их пить. В больнице мне даже легче было — меня там врачи не трогали. Понимали, наверное, что я нормальный, а меня туда упрятали, чтобы ошарашить. В этом ПНИ надо всю администрацию менять. Тагирову (заместителя директора по лечебной части. — «Власть»), юристку, бухгалтера. Они занимаются беспределом.

— Как вы перевелись в другой ПНИ?

— Это чудо. Когда я лежал в больнице, я все время молился. Когда вышел, сделал по интернету запрос на психиатрическую экспертизу. Мне помог Колосков, есть такой хороший человек, я ему написал (эксперт Общественной палаты, помощник депутата ГД. — «Власть»). Экспертиза показала, что я нормальный и могу жить сам. Я теперь живу в Ногинске. Работаю в Москве, маршруты для курьеров составляю. Но я теперь не отступлюсь. Буду своего добиваться. Нас пятеро было, братьев и сестер, никому не дали квартиру. Мы для них никто. Мы вышли из детского дома, нас просто в ▶

машину посадили и раскидали по ПНИ. У меня сестра есть, Олеся. У нее ребенок. Я хочу для нее выбить квартиру, чтобы они не скитались.

Настя слушает молча, потом говорит: «А я тоже была в детском доме, в Уваровке». Ей исполнился 21 год, и в детском доме жить больше было нельзя: «Мне сказали, что в ПНИ очень хорошо, что я проживу там, а потом мне дадут квартиру. Я подписала бумагу, что согласна, и попала в ПНИ. Если бы я знала, что это такое! Здесь уже не до квартиры, главное — не стать овощем». Три раза в день Насте дают таблетки, которые она пить не хочет: «У меня от них тяжелая голова, я просила их отменить, но Тагирова сказала, что мне положено их пить».

Этот интернат на ее счету третий. Она говорит, что на самом деле это тюрьма. Она готова была откупаться всеми способами, только бы ее не лишали свободы. Жить взаперти она не может. Но в последние годы она провела в «психушке» слишком много времени. Сразу же после того, как Оксана Озерова подала иск против Безруковой, Настю положили в психиатрическую больницу на несколько месяцев. «В случае с Безруковой психиатры сыграли роль карателей, — считает адвокат Безруковой Елена Маро. — Ее хотят наказать и изолировать, а всем остальным, проживающим в ПНИ, показывают на ее примере, что будет с непослушными».

На следующий день мы заезжаем к Насте на работу, она сборщица на заводе, который производит пластиковую фурнитуру для сантехники. Настя высказывает в одной спецодежде, без пальто, обнимает нас как родных. Мы виделись всего один раз в суде, но она контактная и открытая, как многие выпускники детских домов. Свой детский дом она вспоминать не любит. Если бы с ней там поступили честно, она жила бы не в ПНИ, а в своей квартире. Попасть в ПНИ было легко, а уйти отсюда теперь почти невозможно. Чтобы уйти, нужно пойти на психиатрическую экспертизу. Если эксперты подтвердят, что Настя может жить самостоятельно, уйти она может только в собственную квартиру или в другой ПНИ. «Куда мне идти? Жить мне негде, — говорит Настя. — А менять один ПНИ на другой — зачем?»

— Большинство проживающих в ПНИ — выпускники детских домов, — говорит Елена Маро. — Настя — вменяемый, дееспособный человек, ей должны

были дать квартиру, но она ничего не получила. Получается, что ПНИ — это такая территория вне закона, где отмываются сиротские квартиры.

«ЕСЛИ БЫ МЫ МОЛЧАЛИ, НАС БЫ НЕ ТРОГАЛИ»

Принудительное лечение для Безруковой — хуже смерти. Она говорит, что руководство интерната это знает. У ее конфликта с администрацией весьма скандальная предыстория.

Звенигородский психоневрологический интернат — большое социальное учреждение, рассчитанное на 420 мест. Когда-то здесь был дом-интернат для престарелых и инвалидов, но в 2009-м году его репрофилировали в ПНИ. Несколько лет подряд в ПНИ приходили волонтеры из некоммерческой организации «Благотворительный фонд помощи детям „Милосердие“» — у них с ПНИ был заключен договор о сотрудничестве. Но весной 2013-го года ПНИ расторг договор с волонтерами. Официальной причиной назвали «несоблюдение волонтерами внутреннего распорядка учреждения», а в частной беседе сказали, что волонтеры должны были привозить подарки, а не вмешиваться во внутренние дела интерната. Руководитель фонда Любовь Кубанкова объясняет, что значит «вмешиваться во внутренние дела ПНИ»: «Когда мы узнавали, что к недовольным применяются принудительные методы лечения, что их лишают свободы, заключая в карцер, — мы, конечно, сообщали руководителю учреждения о таких нарушениях. Некоторых ребят, несогласных с назначением им психотропных препаратов или с тем, что у них забирают ЕДВ (ежемесячная денежная выплата. — „Власть“), заключали на четвертый этаж, который считается изолятором и запирается на ключ. Выйти оттуда нельзя, даже если пожар. Этого изолятора они очень боялись. Какое-то время мы пытались сглаживать конфликты: если узнавали, что кого-то из ребят заключили на четвертый этаж, мы шли договариваться с директором, вроде как брали на поруки. Мы думали, что все это производ санитаров и медсестер, а руководство об этом не знает. Но потом поняли, что директора наши обращения раздражают. Нас стали воспринимать как врагов. Если бы мы молчали, нас бы не трогали. Но для нас эти ребята, живущие в ПНИ, как родные. Парнишка попросил таблетку от головной боли, ему медсестра отказа-

ла, он пожаловался в социальный отдел, а его за это упекли на четвертый этаж, в карцер, и стали колоть ему психотропные препараты. Как молчать?»

Зимой 2013-го года Настя Безрукова повздорила с одной из сотрудниц ПНИ — в основе конфликта лежит личная жизнь сотрудницы, поэтому мы обходим ее стороной. Сотрудница вызвала санитаров, сообщив Насте, что ее «упекут» в карцер. Настя в одном платье выскочила на улицу и прибежала на свой завод, расположенный поблизости. Сотрудники завода вызвали волонтеров. Настя решила написать заявление в прокуратуру, волонтеры ей помогли. Уже на следующий день ее заперли в психиатрической больнице №34 города Наро-Фоминска — на целый месяц. «В эту больницу наших ребят отправляли пачками за любую провинность, — говорит Любовь Кубанкова. — Настя вышла оттуда сломанной». Пока Безрукова лежала в больнице, администрация расторгла договор с волонтерами. А Безрукова отозвала свое заявление из прокуратуры, написав объяснение: теперь выходило, что это волонтеры заставили ее обратиться в прокуратуру. Волонтеры не обиделись, а решили спасти Настю. И обратились к уполномоченному по правам человека РФ Владимиру Лукину. Лукин приехал в ПНИ с комиссией, которая подтвердила наличие многочисленных нарушений в ПНИ. В отчетах членов комиссии говорится, что вместо положенных 6–7 кв. м на человека в ПНИ отводится всего 2–3 кв. м, в то время как весь 5-й этаж одного из корпусов отдан под проживание персонала. В одной маленькой комнате может находиться четыре человека. Стены, пол, сантехника — в антисанитарном состоянии. На 400 человек, проживающих в ПНИ, есть три воспитателя, один трудинструктор и один специалист ЛФК. Понятно, что при таком штатном расписании ни о каком развитии и реабилитации речи нет, главная задача персонала — усмирять, а не реабилитировать. За два года 15 человек в ПНИ признаны недееспособными, то есть потеряли возможность принимать решения, выходить за ворота ПНИ, распоряжаться своей пенсией. И ни один человек не сумел восстановить дееспособность. Некоторые проживающие говорили комиссии, что хотят восстановить дееспособность, но администрация ПНИ не идет им навстречу. Другими словами, если человека однажды лишили дееспособности по ошибке (что часто случается, особенно если речь идет о выпускнике детдома, которому положена квартира), у него практически нет шансов ее вернуть.

Если бы с ней там поступили честно, она жила бы не в ПНИ, а в своей квартире

«Психиатрический режим» в ПНИ носит, по мнению комиссии, карательный характер

На четвертом этаже, в закрытом мужском отделении, комиссия обнаружила карцер, который сотрудники учреждения назвали «наблюдательной комнатой». «В комнате четыре кровати и унитаз», — описывает в своем заключении известный психиатр Любовь Виноградова, исполнительный директор Независимой психиатрической ассоциации России. — Умывальник отсутствует... Администрация называет эту комнату надзорной или наблюдательной палатой, проживающие — карцером и утверждают, что туда помещают в качестве наказания». Обитатели интерната, побывавшие в карцере, утверждали, что запирали их на длительное время и что в туалете они умывались и даже пили оттуда воду. В карцере комиссия обнаружила человека, который жил там уже два месяца. По словам экспертов, в течение этих месяцев заключенный в карцере ни разу не был осмотрен психиатром. «Изоляция граждан в постоянно запертой комнате, безусловно, может рассматриваться как резкое ограничение свободы и недопустима без серьезных оснований», — пишет психиатр Виноградова в заключении. — Изолировать человека можно на короткое время в связи с острым состоянием для того, чтобы решить вопрос о последующей госпитализации в психиатрическую больницу. Между тем проживающие утверждают, что туда помещают в качестве наказания, причем указание об этом может дать и медсестра, и даже санитар».

«Психиатрический режим» в ПНИ носит, по мнению комиссии, карательный характер: назначение психотропных препаратов используется не в лечебных, а в дисциплинарных целях, как и госпитализация в психиатрический стационар. Эксперты комиссии в своих отчетах сообщали, что лечение в таком учреждении может быть только добровольным и проживающий в ПНИ должен поставить свою личную подпись под согласием на лечение. Но комиссии показали только одно личное дело, в котором подпись была, — на просьбу показать остальные дела администрация ответила отказом. По словам члена координационного совета по делам детей-инвалидов и других лиц с ограниченными возможностями при Общественной палате РФ Марии Островской, обитатели интерната утверждали, что руководство ПНИ заставляет их ставить такие подписи, угрожая изоляцией в карцере. В то же время многие обитатели ПНИ признавались комиссии, что прячут таблетки под язык, а потом выплевывают, считая, что им от такого лечения становится хуже. Все это, по мнению Остров-

ской, свидетельствует о недобровольности лечения, а скорее всего, и о запугивании лечением.

По закону «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» люди в ПНИ живут добровольно. 75% от их пенсий по инвалидности Пенсионный фонд перечисляет в ПНИ на оплату стационарного обслуживания (проживания, питания, одежды). Однако администрация учреждения берет с проживающих дополнительно еще и 75% от ЕДВ, которые инвалидам выплачивает государство вместо натуральных льгот. На самом деле ЕДВ — это скудная прибавка к маленькой пенсии — 1,5–2 тыс. руб. Каждый месяц из остатков своей пенсии, которая в среднем составляет 3,5–4 тыс. руб., живущие в ПНИ люди должны отдать администрации в среднем примерно 1 тыс. руб. Считается, что эти деньги идут на «социальные услуги», которые учреждение оказывает проживающим в нем людям. Этот сбор средств одобрен правительством Московской области. «75% ЕДВ изымают, как я поняла, в соответствии с законом Московской области, который ухудшает положение проживающих в ПНИ по сравнению с федеральными нормами», — пишет в своем экспертном заключении Мария Островская, — что недопустимо».

ЕДВ — большой вопрос в интернате, из-за него возникает много конфликтов: проживающие считают, что такие поборы незаконны. Однако к тем, кто не хочет выплачивать ЕДВ, применяются репрессивные меры, что также описывают члены комиссии в своем заключении.

Правозащитная комиссия в своих отчетах отметила также, что руководство интерната не предоставило ей для ознакомления договоры с проживающими, индивидуальные программы развития (ИПР), штатное расписание ПНИ, а также трудовые договоры. «Нам сообщили, что они (документы. — „Власть“) могут быть предоставлены только по письменному запросу, а потом сообщили, что кадровик в отпуске, поэтому их невозможно получить», — рассказывает в своем отчете Мария Островская. (С полной версией докладов Островской и Виноградовой можно ознакомиться на сайте ИД «Коммерсантъ».)

«НАС ВСТРЕЧАЛИ СО СЛЕЗАМИ, ОБНИМАЛИ, ЦЕЛОВАЛИ РУКИ»

Выводы комиссии были впечатляющими, доклад о нарушении прав прожива-

ющих в ПНИ лег на стол к вице-премьеру правительства РФ Ольге Голодец. Это совпало с очередным инцидентом в интернате: директор Вячеслав Юранов ударил по щеке одного из проживающих, Сергея Суркова, за то, что тот не хотел отдавать свои 75% ЕДВ. Дело, благодаря волонтерам, получило огласку. В конце мая 2014 года директор и штатный психиатр уволились из ПНИ по собственному желанию. В июне сестрам милосердия разрешили снова посещать интернат. Однако, по словам старшего волонтера Ларисы Рыжиковой, никто из областных чиновников не извинился перед волонтерами за то, что целый год они не могли приходить к своим друзьям в интернат, который не является закрытым учреждением.

— Нас встречали со слезами, обнимали, целовали руки, — рассказывает Рыжикова. — У многих наших ребят за стенами интерната никого нет. Они все — дети. Им мама нужна, нужна забота. У многих ребят умеренная умственная отсталость, а ее аминазином не вылечить, только добром и занятиями.

Вскоре волонтеры поняли, что в ПНИ ничего не изменилось.

После отставки директора Вячеслава Юранова ПНИ возглавил Михаил Горожанинов — как утверждают в ПНИ, отставной военный. По словам проживающих, директору не нравится, что парни, проживающие в ПНИ, рассказывают волонтерам о нарушениях в интернате и ведут себя не как «мужики». Методы нового психиатра тоже вызывают вопросы: некоторые молодые инвалиды жалуются волонтерам, что их заставляют пить нейролептики, от которых им плохо. Цитируют также угрозы со стороны медицинского персонала за любую провинность: «Упеку на четвертый этаж»; «Заколю, будешь в памперсах лежать». В интернате, по словам волонтеров, по-прежнему отбирают паспорта; за любую жалобу или проявление недовольства запирают на четвертый этаж; никакой реабилитации не проводится, так что многие даже не умеют читать; при этом одного из местных ребят Лариса Рыжикова научила читать за месяц. А на выход из ПНИ дееспособным проживающим по-прежнему нужно разрешение, несмотря на то, что это незаконно. Для посетителей ПНИ администрация установила определенные дни и часы, а с 26 сентября вообще ввела карантин, объясняя его «наступлением холодно- ▶

го времени года», «сезоном вспышечной заболеваемости острыми респираторными инфекциями и гриппом». Объявление о карантине висит на воротах ПНИ, в нем написано, что необходимо «ограничить посещения родственников, поездки проживающих в гости и отпуск». Контроль за исполнением приказа возложен на замдиректора ПНИ лечебной части Марию Тагирову.

Договор между фондом и ПНИ до сих пор не подписан. «В Министерстве социальной защиты Московской области нам сказали, что нужно оформить трехсторонний договор — между Минсоцзащиты, ПНИ и нами, — говорит Любовь Кубанкова. — Мы все документы отдали в министерство еще летом, но с июня нет никакого ответа. Так что мы в любой момент ждем, что перед нами закроют двери». Если уйдут волонтеры, людей, проживающих в ПНИ, больше никто не услышит. Они останутся за глухой стеной.

«Я КРИЧАЛ. ДОЛГО КРИЧАЛ»

Через две недели после первого заседания мирового суда нам позвонила адвокат Елена Маро и рассказала, что в ПНИ изнасилован проживающий Паша Скворцов (имя изменено). Предполагаемый насильник в интернате проживает давно, неформально контролирует закрытый четвертый этаж. Волонтеры говорят, что в 2012 году он изнасиловал двух женщин из ПНИ, о чем они сообщили в своем письме уполномоченному по правам человека Владимиру Лукину. Видимо, проверить этот факт не удалось. Известны имена нескольких молодых мужчин, которые также жаловались в страм милосердия на сексуальное насилие со стороны этого человека.

По словам адвоката Елены Маро, 1 октября Паша Скворцов выступил на общем собрании в ПНИ и пожаловался директору на своего соседа по комнате — дескать, лазал ночью по чужим тумбочкам. В тот же день Скворцова перевели на четвертый этаж. Вероятно, в воспитательных целях. «3 октября вечером мне позвонил один из проживающих в ПНИ и сообщил, что видел на ужине Пашу Скворцова, Паша был подавлен и сказал, что его изнасиловали, — рассказывает адвокат. — Я сохранила запись беседы с этим молодым человеком, есть и видеозапись. Я позвонила в дежурную часть ОВД Московской области. Наряд полиции приехал в 23 часа, но их на тер-

риторию ПНИ не пустили. Со слов проживающих сотрудники учреждения сказали, что вызов ложный. В тот же вечер мне позвонил еще один человек из интерната и рассказал, что директор ищет „стукача“, сообщившего мне информацию об изнасиловании».

Адвокат Маро еще летом подписала договоры о юридическом сопровождении с ребятами из интерната, которые общаются с волонтерами и находятся в зоне риска. Поэтому утром 4 октября она приехала в ПНИ как законный представитель Скворцова. «Захожу, а в комнате юриста сидит Паша Скворцов и участковый. И первое, что я слышу, это слова участкового Паше: „Ну вы же игрались!“ Только после того, как я заявила свои полномочия, участковый начал брать объяснения со Скворцова. Он целый час сидел с потерпевшим и не написал ни слова».

Мы звоним Паше Скворцову в тот же день, когда узнаем об изнасиловании.

— Паша, здравствуйте, как вы себя чувствуете?

— Ничего, ничего.

— Вы сейчас где находитесь?

— Я на четвертом этаже.

— А за что вас туда подняли?

— Было собрание. Я выступил. Сказал, что Грунин (имя изменено. — **«Власть»**) по ночам шастает, по тумбочкам шарит.

— То есть вы пожаловались на другого проживающего?

— Да.

— Вы сейчас один?

— Я, да. А вчера приходили милиционеры. Они фотографировали комнату (называет имя насильника). Это значит, меня больше не будут насилить?

— Вы помните, что случилось?

— Мне ноги связали скотчем. Их было четыре человека. Меня держали. А он (имя насильника) меня... (следует ненормативная лексика). А потом шваброй.

— А вы кричали?

— Я кричал. Долго кричал. И когда шваброй... Кричал сильно. Никто не пришел. На четвертом этаже была медсестра. Потом я к ней подошел. Сказал, что меня насильники. Она сказала, чтобы я шел к санитарам. Я сказал санитарам. Они мне сказали, чтобы я убирался. Потом на ужине меня спросил Миша, я ему сказал.

Скворцов начинает плакать в трубку.

— Меня психиатр заставил пить аминазин, он меня губить хочет.

— А какие еще лекарства вы пили?

— Еще он дал мне нейролептин. Я сказал ему, что не хочу аминазин. А он заставил пить. Плохой психиатр.

Волонтеры рассказывают, что Скворцова насилуют не в первый раз. Что насилие здесь вообще — метод воздействия. И что такие, как этот насильник, здесь очень нужны. Скворцов, привыкший к бесправному положению, даже не понимает, что изнасилование — это преступление. Он относится к этому, как к болезненной процедуре, которую надо пережить. Так считают волонтеры. Поэтому после изнасилования он идет ужинать, а когда рассказывает о насилии, не смущается, не краснеет, говорит об этом как о неотъемлемой части своей жизни. Таблетки, которые иногда дает психиатр, действуют на Пашу очень плохо: он не может стоять, сидеть, лежать, его «ломает», и поэтому таблеток он иногда боится больше, чем изнасилования.

«ЭТО НУЖНО ВАМ, А НЕ МНЕ»

Мы звоним директору Звенигородского ПНИ Михаилу Горожанинову, чтобы задать ему много вопросов.

— Я знаю, что вы хотите спросить, но это все неправда, — отвечает сразу Горожанинов. И сообщает, что ему некогда, потому что он сидит в приемной «у первого зама». В течение нескольких минут мы убеждаем его, что встретиться необходимо.

— Если хотите пообщаться, приезжайте завтра в восемь утра, — говорит директор и после некоторых уточнений о необходимости столь ранней встречи резко добавляет: — Это нужно вам, а не мне.

Мы подъезжаем к воротам Звенигородского ПНИ на следующий день в восемь утра. Охранник в будке просит предъявить документы и записывает нас в журнал посетителей. Издания интерната выходит высокий, подтянутый замдиректора по безопасности Василий Солдатенко. Представившись, сообщает: «Михаил Федорович встретиться не может». Мы просим передать Михаилу Федоровичу, что приехали из Москвы рано утром, потому что он назначил нам это время. И не уйдем, пока не поговорим. Через десять минут к нам подходит невысокий плотный мужчина пенсионного возраста в сером костюме. Это Горожанинов. Он недоволен нашим визитом и говорит, что все вопросы мы должны решать через Министерство социальной защиты Московской области.

— Вам, как мужчине и военному, не стыдно? Вы сказали, что поговорите с нами. Дали слово и не держите.

— Я сейчас вообще уйду, — обижается Михаил Федорович. Но не уходит, держит оборону. Еще через десять минут

«Вчера приходили милиционеры. Это значит, меня больше не будут насилить?»

Паша идет регистрировать заявление о том, что у него есть адвокат. «Я не отдам свою дееспособность», — говорит он громко

препирательств становится понятно, что на территорию ПНИ нас не пустят, даже к дееспособным проживающим, которых по закону можно посещать в любое время дня. После разговора с директором ПНИ мы отправили официальный запрос в Министерство социальной защиты населения Московской области, изложив в нем все вопросы, которые мы хотели задать директору.

Недалеко от ПНИ нас ждет один из проживающих, Толя Морозов (имя изменено в интересах нашего собеседника, который считает, что за общение с нами его могут наказать). У Толи пенсия около 4 тыс. руб. Из них около 1 тыс. он отдает интернату. Он знает, что 15 человек в ПНИ не платят свою часть ЕДВ. Говорит, что они смелые. Звенигородский ПНИ обращался в Звенигородский городской суд с иском против проживающей в интернате Елены Бодровой, которая отказалась отдавать интернату свои 75% от ЕДВ. В иске было написано, что ПНИ оказывает Бодровой «социальные услуги», которые она отказывается оплачивать. Однако в суде выяснилось, что проживающие в ПНИ должны дать личное согласие на получение таких услуг и поставить свою подпись в своем договоре с ПНИ. Летом этого года судья Кузнецов в иске отказал: почерковедческая экспертиза подтвердила, что подпись на ее договоре с ПНИ не принадлежит Бодровой. Другими словами, подпись была поддельной. Бодрову защищала в суде адвокат Маро, и теперь многие в ПНИ знают, что они могут не платить ЕДВ, если не хотят. Толя все это знает. Но он думает, что всех, кто не платит ЕДВ, все равно «закатают». Поэтому Толя платит за «социальные услуги», даже не подозревая, что это такое. Куда идут эти деньги, он не знает. Считает, что на банкеты и рестораны.

— Ты был на закрытом четвертом этаже?

— Да, я там жил. Несколько раз.

— А как там обращались с тобой?

— Сигареты забирали. Колотили. Санитары колотили.

— А лекарства ты пьешь?

— Я просил врача отменить их, но он не отменяет.

— Как ты вообще сюда попал?

— Я жил в детском доме (называет город. — **«Власть»**), мне там сказала медсестра, что я уже взрослый и мне надо уходить в ПНИ. Она сказала, что у меня будет отдельная комната, свой душ и туалет. Меня будут кормить, платить пенсию. Я согласился. Подписал какую-то бумагу. Это была путевка.

Молчит. Смотрит под ноги.

— Сейчас бы встретиться эту медсестру.

— Тебе тут плохо?

— А кому хорошо? В комнате полно людей. Пенсию забирают. Грабители.

— А что с Пашей Скворцовым случилось, ты знаешь?

— Все знают. Его насильовали.

— А кто?

— Известно кто (называет имя). Полиция приезжала. Охрана их не пустила.

— Ты видел Скворцова в тот день?

— Видел. Он был красный, плакал. Ну а что плакать. Нагнули уже.

Доследственную проверку по факту изнасилования начал старший следователь следственного отдела по городу Одинцово Главного управления СК РФ по Московской области лейтенант юстиции Артем Горбунов. Этот следователь уже знаком со Звенигородском ПНИ: в 2013 году он рассматривал жалобу проживающего в ПНИ Андрея Жамлиханова о нарушении его прав руководством учреждения. Тогда этой жалобе следователь не дал хода. Мы несколько дней пытались связаться с Артемом Горбуновым, секретарь отвечала, что его нет на месте. Когда мы, наконец, дозвонились, следователь сказал, что не может говорить с нами, поскольку не видит наших удостоверений.

«ОНИ ВСЕ ОДИНАКОВЫЕ У НАС»

Адвокат Маро направила жалобу о бездействии органов власти и нарушении прав инвалидов в Генпрокуратуру РФ. Она намерена добиваться возбуждения уголовного дела об изнасиловании Скворцова.

13 октября, после обеда, юрист ПНИ Екатерина Проскурина передала Паше Скворцову повестку, в которой сообщалось, что он должен явиться в суд 14 октября в 14:30. Представитель Скворцова, адвокат Елена Маро, узнала об этом со слов Паши только вечером 13 октября. Поэтому приехать из Москвы на суд в Звенигород она не смогла.

Пашу привезла в суд Екатерина Проскурина. Он вошел в здание и севшим от волнения голосом сказал волонтерам, что руководство ПНИ хочет лишить его дееспособности.

— Тебе давали какие-то таблетки? — спросили волонтеры Пашу.

— Давали какие-то белые таблетки, — сказал Паша. — Я не знаю, как называются. Я их раньше не пил. Голова болит.

Адвокат Маро звонит Паше и объясняет, что он должен сказать судье: у него есть адвокат, он просит перенести слу-

шание на другой день. Паша кивает: «Судья меня будет ругать?»

Мы заходим в канцелярию суда, нам подтверждают, что дело Скворцова (о лишении дееспособности) иницировано руководством ПНИ и пройдет в закрытом режиме в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом.

Лишение дееспособности — это лишение тех остатков свободы, которая у Скворцова еще есть. Это лишение возможности заявлять о нарушении своих прав, даже общаться с волонтерами, потому что любые решения за недееспособного принимает его опекун. То есть ПНИ. Паша, несмотря на умственную отсталость, умеет себя обслужить, заварить чай, приготовить бутерброд, сменить грязную одежду, постирать белье. Он ухаживает за кошкой, живущей в ПНИ. Он общается с волонтерами на равных и, по их мнению, не заслуживает такой меры. Он сумел объяснить судье, что у него есть адвокат. И судья откладывает слушание на два дня.

Паша, взволнованный, красный, выходит из зала и идет в канцелярию регистрировать заявление о том, что у него есть адвокат. «Я не отдам свою дееспособность», — говорит он громко. Мы спрашиваем юриста Звенигородского ПНИ Екатерину Проскуру, на каком основании Скворцова хотят лишить дееспособности спустя неделю после того, как он сообщил об изнасиловании. Юрист молчит и надевает пальто.

— Вы хотите, чтобы его адвокат не смог его защищать?

Молчит.

— Вы хотите, чтобы его заявления об изнасиловании потеряли силу?

— Все вопросы — в Министерство социальной защиты населения, — уходит, запахнув пальто.

Кроме юриста Пашу в суд сопровождала санитарка, маленькая, аккуратная женщина, в голубом халате, с накрашенными губами.

— Вы знаете, за что с ним так поступают? — спрашиваем мы.

— Хотите, чтобы меня уволили? Я не буду с вами говорить.

— А вам его не жалко?

— Мне всех жалко.

— Вы думаете, он плохой? Думаете, он в чем-то виноват?

— Они все одинаковые у нас. Все на одно лицо.